

И. В. Казаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: i.v.kazakov@list.ru

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В США: КАК ИДЕОЛОГИЯ ФОРМИРУЕТ ФАКТЫ

В мире вообще и особенно в США растёт беспокойство качеством политически значимой информации, представляемой в качестве фактической. Это проявляется в росте числа исследований «фейковых новостей», «пост-правды», конспирологических теорий и фактчекинга, а также в растущем интересе к политической эпистемологии. Однако в силу ряда причин наука не может дать однозначного ответа на вопрос о том, как производится знание в политике. В статье предлагается обоснование дискурсивного подхода к политической эпистемологии в духе эпистемологического партикуляризма, т. е. с признанием множества способов производства знания, как в науке, так и за её пределами. Особенности «политического знания» будут зависеть от его функций в политическом дискурсе, которые очевидным образом отличаются от функций научного знания или «знания вообще».

В статье развиваются некоторые результаты исследований политического дискурса, идеологии и риторики (Т. А. ван Дейк, Р. Водак), предлагается понимание «метода» производства политического знания как большой дискурсивной стратегии, в которой эпистемологические, риторические и идеологические пресуппозиции, соединяясь определённым образом, порождают политическое знание определённого типа. Теоретические выводы демонстрируются на примере современного политического дискурса США.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая эпистемология, идеология, дискурсивная стратегия, дискурс-анализ, США.

Для цитирования: Казаков И. В. Дискурсивное конструирование политической реальности в США: как идеология формирует факты // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 4. С. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021821-6>.

I. V. Kazakov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: i.v.kazakov@list.ru

DISCOURSE CONSTRUCTION OF POLITICAL REALITY IN THE USA: HOW IDEOLOGY FORMS FACTS

All over the world and especially in the United States, there is a growing concern about the quality of politically relevant information presented as factual. This is manifested in the growth of research on «fake news», «post-truth», conspiracy theories and fact-checking,

as well as in the interest in political epistemology. However, for a number of reasons, science cannot give a universally accepted answer to the question of how knowledge is produced in politics. The article proposes a rationale for a discursive approach to political epistemology in the spirit of epistemological particularism, i.e. recognizing many possible ways of producing knowledge, both in science and beyond. The features of «political knowledge» will depend on its purpose in political discourse, which is obviously different from the purpose of scientific knowledge or «knowledge in general».

The article develops some results of the studies of political discourse, ideology and rhetoric (T. A. van Dijk, R. Wodak). It is proposed to consider the particular «method» of knowledge production as a discursive grand strategy in which epistemological, rhetorical and ideological presuppositions, when combined in a certain way, generate political knowledge of the appropriate type. Theoretical conclusions are illustrated with cases from the modern American political discourse.

Keywords: political discourse, political epistemology, ideology, discursive strategy, discourse analysis, USA.

For citation: Kazakov I. V. (2022), Discourse construction of political reality in the USA: how ideology forms facts, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 4, pp. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021821-6>.

Введение. Знание как таковое — один из основных предметов философии. Изучение проблем познания составляет основное содержание эпистемологии — философской дисциплины, сформировавшей в ходе многовекового развития множество подходов, каждый из которых по-своему отвечает на вопросы о том, можно ли познать реальность и, если можно, то в какой мере и каким образом. Многообразии эпистемологических подходов можно условно объединить в три группы: объективизм, конструктивизм и субъективизм [7]. На основе разных эпистемологий формируются различные методологические направления в современной науке [17], в т. ч. в политических исследованиях.

Каждый исследователь неизбежно закладывает в основание своей работы целый ряд эпистемологических допущений и тем самым относит себя к той или иной философской традиции. У разных научных школ эти базовые допущения различаются настолько сильно, что приводят к необратимым расхождениям в концептуализации ключевых понятий, к формированию несовместимых научных языков и к невозможности для сторон научного спора понять друг друга [10]. Исследователь вправе заранее занять любые позиции по эпистемологическим вопросам и проводить исследование в соответствии с ними, полностью отказавшись в дальнейшем от философских рассуждений, коль скоро заявленные эпистемология, теория и методология находятся в соответствии друг с другом. Таким образом, мы можем констатировать, что в научном сообществе не было, нет и не предвидится единства по фундаментальным вопросам познания.

В то же время мы можем заметить, что эти фундаментальные вопросы обретают особую актуальность в свете мировой политики последних лет. Это особенно заметно на примере США, где растёт обеспокоенность качеством политически значимой информации, что отражается в исследованиях «фейковых новостей», «пост-правды», конспирологических теорий и фактчекинга [18]. Нарастают политическая поляриза-

ция и популизм [2], что приводит к особо острым политическим дебатам на национальном уровне во многих странах. В США это выливается в постоянные взаимные обвинения сторон политического противостояния (республиканцев и демократов) во лжи и неспособность договориться относительно базовых фактов общественной жизни и определений. От журналистского сообщества многие ожидают, особенно в свете сформировавшихся в США представлений о журналистской этике, выяснения беспристрастной истины, но на практике медийное поле также поляризуется и делится на противоборствующие лагеря. Отмечается рост международной политической напряжённости. Все эти процессы сопровождаются спорами о том, какую информацию считать достоверной и на каких основаниях. Такие споры имеют место как в науке, так и в практической политике.

Целью исследования является выявление особенностей конструирования политического знания, отличающих его от других типов знания. В исследовании мы опираемся на ключевые философские и политико-научные труды, в которых с разных сторон и точек зрения рассматривается проблема производства знания.

В качестве **источниковой базы** исследования выступает политический дискурс США последних выборных циклов (2016–2022 гг.). Этот дискурс является источником кейсов, наилучшим образом демонстрирующих отличительные особенности политического знания.

Степень изученности проблемы и методика исследования. Мы уже отметили, что в политической науке по базовым эпистемологическим вопросам консенсус отсутствует. Это означает, что каждый исследователь волен отвечать на эти вопросы, руководствуясь любой из многих устоявшихся парадигм. Следовательно, политическая наука в целом не может дать однозначного ответа на актуальный вопрос о том, по каким критериям отличать истину (и нужны ли вообще подобные критерии). Такие ответы могут давать отдельные научные школы, и у каждой из них ответ будет свой — он будет зависеть от принятых в рамках данного направления философских допущений. Например, доминирующий в американской политической науке позитивизм основывается на допущении, что посредством опыта можно познать то, что есть на самом деле, и только за таким познанием признаёт право претендовать на звание науки. Но понимание того, что есть опыт и что есть реальность, разнится у различных направлений позитивизма, а за его пределами и само допущение может быть подвергнуто сомнению [16].

Легко заметить, что как в российской, так и в мировой политической науке господствует объективистская эпистемология и соответствующие ей различные варианты позитивизма, где источником истинного знания определяются эмпирические исследования [14]. Так, американская политическая наука характеризуется особенно сильным влиянием позитивизма, в т. ч. в качественных исследованиях, как правило, предполагается выявление причинно-следственных связей, а исследования, которые не вписываются в объективистскую парадигму, с трудом добиваются признания статуса научных. Стандарт для качественных исследований задаётся фундаментальной работой «Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research» авторов King, Keohane, Verba (т. н. KKV) [11], где авторы делают попытку утвердить в качественном анализе нормы, сформированные ранее для количественных исследований. Но развиваются и другие направления научно-философской мысли, критикующие позитивизм и условно объединяемые в такие категории, как постпозитивизм и критическая теория. В США это, например, исследования в русле интерпретативной парадигмы.

В то же время в практической политике вопрос о том, что и на каких основаниях следует считать истиной, неизбежно решается тем или иным образом. Производство знания есть необходимый процесс, который можно рассматривать как содержание политической борьбы [6]. При этом политические акторы неизбежно основывают свою деятельность на тех или иных эпистемологических допущениях — как правило, имплицитных и не в полной мере осознаваемых. Мы подходим к вопросу, имеющему большое значение для теории и эмпирики политических исследований: как знание понимается и конструируется в политической деятельности? Понимание сущности знания и его практическое конструирование мы предлагаем рассматривать как два взаимосвязанных предмета, которые лишаются смысла друг без друга.

Результаты исследования. Теоретические основы производства знания в политике. Ответ на вопрос о том, как понимается и конструируется знание в политической деятельности, предполагает, помимо общей для всех случаев модели, множество частных вариантов её воплощения. В этих частных вариантах проявляется многообразие политических дискурсов. Полезно разграничивать общую для всех дискурсов структуру и различное наполнение этой структуры. Чтобы комплексно анализировать различия в содержании политических дискурсов, нужен соответствующий метод, основанный на понимании особенностей политической эпистемологии. Поэтому ещё одна задача, напрямую связанная с исследовательским вопросом, — сформулировать такой метод. Как мы увидим далее, он естественным образом следует из ответа на исследовательский вопрос.

Для начала попробуем определить, чем «политическое знание» отличается от научного и других форм знания. Хотя политическая эпистемология исторически предшествует научной, современная наука только подходит к её изучению. Новые труды на эту тему имеют преимущественно описательный характер [9], пока что редко идут дальше обобщения пространного дискурса в СМИ о «фейковых новостях» и «пост-правде». Долгое время в исследованиях господствовал сциентизм, означающий презумпцию всеобщего единства в методах познания [12], что особенно характерно для объективистского направления. Упомянутая выше ККВ — пример распространения этого принципа на качественные исследования в американской науке. Но, даже занимая конструктивистские или постструктуралистские позиции, исследователи склонны экстраполировать свои представления об эпистемологии на объект изучения (политических акторов). Этим отличаются, например, социология знания Бергера и Лукмана [1] и археология знания М. Фуко [6; 7]. Бергер и Лукман в своих работах, особенно в знаменитом «Социальном конструировании реальности» (1966), совершившем переворот в американской социологии, заложили основы представлений о том, что знание есть результат общественных отношений. Однако социальная структура у них предстаёт как объективная реальность, жёстко детерминирующая человеческие представления, и оставляет совсем мало пространства для индивидуального выбора или творческого переосмысления этих представлений, а значит, отрицает их самостоятельную ценность. М. Фуко в методе археологии знания ставит на первое место именно представления, выраженные в дискурсе. Отвечая на вопрос, чем в конечном итоге эти представления мотивированы, Фуко выдвигает важный тезис о том, что детерминантой здесь является власть. Фуко является представителем французской философской школы, и его подход непривычен и зачастую непонятен мейнстримной американской политической науке, однако его влияние трудно перео-

ценить. Мы разделяем представления Фуко об определяющей роли вопроса о власти применительно к политическому дискурсу, но не считаем полезным распространять их на любой дискурс вообще. Кроме того, стремление к власти может в дискурсе выражаться по-разному, и чем именно мотивированы различия в этих выражениях, нуждается в дополнительном уточнении.

Понятно, что представления политических акторов о природе и функциях знания могут отличаться от представлений исследователей. Эпистемологический партикуляризм, допускающий множество способов производства знания — в науке и вне её — относительно новое направление в философии. В новой американской философско-политической литературе можно заметить рост популярности подобных идей, например, опубликованный в Миннесоте философский труд [15], однако эти идеи ещё только начинают влиять на научную мысль [4]. Опубликованные в последнее время коллективные монографии по политической эпистемологии (например, опубликованная в Нью-Йорке «The Routledge Handbook of Political Epistemology», написаны по-прежнему в духе эпистемологического генерализма — подхода, в рамках которого на основании каких-либо критериев предлагается заранее определить, что является, а что не является знанием, и затем анализировать эмпирический материал с этих оценочных позиций [5]. Мы считаем такой подход малопродуктивным и ведущим к искажённому восприятию политического дискурса. Эпистемологический генерализм свойственен не только учёным, но и политическим акторам. Это проявляется в тех случаях, когда они эксплицитно или имплицитно ссылаются на «науку» для подкрепления своих аргументов в политических спорах. Исследования общественной интеграции научных теорий показали неоднозначность этого процесса: в политическом дискурсе научные теории неизбежно обретают новый смысл и новые функции [8].

Может показаться странным, что в науке лучше изучена научная эпистемология, возникшая позднее политической. Этому предмету посвящены многие труды и обзоры, характеризующиеся высоким уровнем саморефлексии (например, см. обзор профессора философии в Университете Майами, штат Флорида Отавио Буэно [3]). Ввиду этого считаем допустимым использовать наработки исследований научной эпистемологии в нашем опыте изучения политической эпистемологии и проводить между ними необходимые параллели.

Особенности конструирования политической реальности в дискурсе. Восполнить пробел в понимании политической эпистемологии нам помогут труды о политическом дискурсе — той среде, в которой постоянно рождается интересующее нас знание. Из определённых результатов анализа дискурса мы можем восстановить особенности политического знания, его отличия от других типов знания. Посмотрим, как философская проблема познания на практике решается политическими акторами на примере американской политики.

Прежде всего заметим, что политические деятели претендуют на истинность того знания, которое они производят. Понимание истины может быть разным, критерии истинности могут быть разными, но само наличие претензий на истинность знания объединяет, пожалуй, всех политиков. Такая претензия необходима для решения задач борьбы за власть. На дебатах политик вынужден доказывать, что говорит правду, и опровергать заявления оппонентов. Важное место здесь занимают вопросы о том, как отличить правду от лжи или заблуждений. Можем констатировать, что политические споры действительно имеют в своей основе вопросы чистой эпистемологии — так же,

как и научные споры. Например, принципиально непримиримыми остаются позиции сторонников и противников ограничений в связи с COVID-19, борьбы с изменением климата, права на аборт и т. п., поскольку здесь мы имеем либо принципиальную разницу в определении ключевых понятий, либо отсутствие согласия о ключевых фактах.

С другой стороны, политическое знание имеет ярко выраженную утилитарную природу. Оно служит конкретным задачам борьбы за власть. Оно составляет содержание политических *идеологий*. Мы имеем здесь ввиду определение идеологии, которое даёт Тён А. ван Дейк: это основа представлений об обществе, разделяемая членами группы, позволяющая людям как членам группы организовывать набор убеждений о том, что соответствует действительности, что хорошо или плохо, правильно или неправильно *для них*, и действовать в соответствии с этими убеждениями [19, р. 8]. Такая идеология будет неизбежно наличествовать у любой политической группы, и каждая группа в своей идеологии будет противопоставлять себя другим группам. В США это наиболее ярко проявляется в идеологическом противостоянии между Республиканской и Демократической партиями. По широкому ряду общественно значимых вопросов республиканцы и демократы занимают диаметрально противоположные позиции, и полутонов между двумя лагерями практически нет. Политики-демократы, занимающие по каким-либо вопросам позицию, близкую к республиканцам, существуют, но воспринимаются как экзотика и вызывают на себя порицание широких партийных кругов, доходящее до ostracism (например, сенатор-демократ Джо Мэнчин). То же самое справедливо и для политиков-республиканцев, рискующих занять по какому-либо вопросу позицию, близкую к демократам. Легко заметить, что наборы позиций, которых должны придерживаться представители соответствующих партий, продиктованы внутрипартийной конъюнктурой и необходимостью противопоставить себя как группу противоборствующей группе, и имеют весьма отдалённое отношение к индивидуальному выбору.

С третьей стороны, политическое знание производится с широким применением риторических средств, таких как топосы [4].

Идеологическая мотивированность в сочетании с риторической обусловленностью и есть то, что отличает политическое знание как от научного, так и от всех прочих типов знания.

Метод анализа различий в содержании политических дискурсов. Если политическое знание, с одной стороны, «эпистемологично», с другой — «идеологично», с третьей — «риторично», то мы можем установить связь между эпистемологическими, идеологическими и риторическими комплексами. Если мы сумеем показать, как во взаимодействии этих трёх элементов рождается политическое знание, то это и будет ответом на вопрос о том, как знание понимается и конструируется в политической деятельности.

Предположим, что конкретный механизм этого понимания и конструирования во многом схож с ситуацией в научном дискурсе. В науке на основе эпистемологических допущений формируются научные *методы*, которые, в свою очередь, определяют характер получаемого в результате знания. Научный метод зачастую можно восстановить из характеристик полученного с его помощью знания, и наоборот. Метод является необходимым связующим звеном между эпистемологией и научными фактами.

Подобное связующее звено, конечно, имеется и в практической политике, и его с неизбежностью так или иначе касаются исследователи политического дискурса.

Пример полезной концептуализации — идея *дискурсивных стратегий*, центральная для дискурс-исторического подхода (ДИА). Согласно Р. Водак, дискурсивная стратегия — это «более или менее преднамеренный план практик (включая дискурсивные практики), принятый для достижения определённых социальных, политических, психологических или лингвистических задач» [20, р. 94]. Р. Водак отмечает, что дискурсивные стратегии расположены на различных уровнях языковой организации, и проводит разделение на пять возможных дискурсивных стратегий: номинация, предикация, аргументация, фрейминг/перспективизация/репрезентация, интенсификация/смягчение. Мы считаем, что для наших задач полезно рассматривать эти категории не как отдельные дискурсивные стратегии, но как составные элементы больших стратегий, т. е. как методики в рамках метода. Все эти элементы могут быть найдены в одном тексте, они дополняют и усиливают друг друга. Легко заметить, что все они не только обеспечены соответствующими риторическими средствами, но и идеологически мотивированы, чем определяется их содержание.

Большая дискурсивная стратегия объединяет в себе эпистемологию, идеологию и риторику для производства политического знания. Если разные акторы одинаково понимают природу знания, следуют близким идеологиям и применяют сходные риторические средства, то можно ожидать, что они будут производить политическое знание похожим образом, т. е. будут применять близкие дискурсивные стратегии. В результате они получают образцы знания, близкие по существенным характеристикам. В американской политике этим будут объясняться те случаи, когда сходное знание производится представителями противоборствующих политических лагерей, т. е. когда отдельные представители Демократической партии поддерживают позиции республиканцев, и наоборот. Зная исходные эпистемологические, идеологические и риторические предпосылки, которые соответствуют представлениям политиков, можно предположить следующие из них дискурсивные стратегии, а из этих стратегий можно вывести характеристики получаемого в итоге знания. В конечном итоге это даст ответ на вопрос о том, почему отдельные политики в определённых случаях переходят на сторону противного лагеря. Можно проследить и обратную связь — от характеристик знания к особенностям стратегий и далее к отвлечённым предпосылкам. С другой стороны, существенные отличия в характеристиках знания будут сопровождаться отличиями в дискурсивных стратегиях, а значит — в исходной идеологии, риторике и эпистемологии. В качестве примера таких отличий можно выделить оппозицию сенатора-демократа Джо Мэнчина к плану президента-демократа Джо Байдена «Построить лучше, чем было» (Build Back Better). Это был программный план Демократической партии по поддержке населения, который включал дорогостоящие социальные и экологические программы на общую сумму \$1,9 трлн [13]. Свою оппозицию к плану сенатор обосновывал в разное время по-разному, и подлинные причины трудно восстановить из его публичных объяснений. Однако при последовательном анализе дискурса этого сенатора применительно к самым разным вопросам становится ясно, что пресуппозиции этого дискурса существенно отличаются от тех, которые свойственны большинству сенаторов-демократов, и соответствуют проприетарному (т. е. ориентированному на гегемонию собственников) типу идеологии, который и предопределяет через посредство дискурсивной стратегии отдельные дискурсивные акты, кажущиеся при ином подходе труднообъяснимыми.

Выявив эту зависимость, мы получаем ответ на наш исследовательский вопрос: политическое знание понимается и конструируется посредством взаимодействия эпистемологии, идеологии и риторики. Это взаимодействие порождает дискурсивную стратегию, которая, в свою очередь, формирует факты. Таким образом, политические факты опосредованно (через посредство дискурсивных стратегий) зависят от заложенных в них идеологических и риторических предпосылок, в этом их отличие от научных фактов.

Эта структура будет единой для всех политических дискурсов, но её наполнение будет различным в зависимости от дискурса. Метод анализа дискурса, позволяющий выявлять эти различия и основанный на представленных выводах, будет состоять из четырёх этапов. На первом этапе следует выявить в образцах политического знания элементы определённой идеологии, эпистемологии и риторики. На втором этапе надлежит объединить эти образцы знания в группы по принципу сходства образующих элементов — это и будут дискурсивные стратегии. На третьем этапе — установить связь между составными частями дискурсивных стратегий и теми отвлечёнными пресуппозициями из областей идеологии, эпистемологии и риторики, к которым они восходят. На четвёртом этапе — определить, чем мотивированы эти отвлечённые пресуппозиции. Проанализировав политический дискурс таким образом, мы можем не только прийти к новому пониманию отдельных его элементов, но и получить общую карту дискурса, позволяющую в нём ориентироваться. Представление о дискурсе, основанное на таком анализе, будет основано на эмпирике, а потому, как нам представляется, поможет преодолеть нормативную обусловленность существующего сегодня критического дискурс-анализа и близких к нему подходов.

Выводы. На основе существующих в современной политической науке подходов к качественному исследованию производства знания можно выявить особенности политического знания, отличающие его от других типов знания. Помимо общей (с научным знанием) эпистемологической составляющей, ключевыми здесь являются идеологическая и риторическая составляющие. Эти особенности поддаются исследованию с применением методов анализа дискурса. Продуктивный анализ должен строиться на возведении отдельных дискурсивных актов к общим для них идеологическим и риторическим пресуппозициям, которые, в свою очередь, позволяют предполагать природу других дискурсивных актов, которые из них последуют. Понимание конкретной большой дискурсивной стратегии, порождающей тот или иной политический дискурс, делает динамику дискурса объяснимой и предсказуемой.

Литература

1. *Berger P. L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, New York: Doubleday, 1966. 249 p.
2. *Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J. M.* Cross-Country Trends in Affective Polarization // In The Review of Economics and Statistics. January 25, 2022. https://doi.org/10.1162/rest_a_01160.
3. *Bueno O.* Epistemology and Philosophy of Science // The Oxford Handbook of Philosophy of Science / Ed. by P. Humphreys. New York: Oxford University Press, 2016. P. 233–251.
4. *Carlson J.* Political Justificationism: A Casuistic Epistemology of Political Disagreement // TRAMES. 2020. Vol. 24 (3). P. 339–361.
5. *Chisholm R.* The Foundations of Knowing. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 216 p.
6. *Foucault M.* Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977. New York: Pantheon Books, 1980. 271 p.
7. *Foucault M.* The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. New York: Pantheon Books, 1982. 245 p.

8. Green E. C. Knowledge, Power, and Policy Analysis: Sharing the Resources // *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. 1980. Vol. 63. No. 2. P. 178–198.
9. Hannon M., De Ridder J. *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. London, New York: Routledge, 2021. 522 p.
10. James N., Busher H. Epistemological Dimensions in Qualitative Research: the Construction of Knowledge Online // *Online interviewing*. London: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 5–18. <https://doi.org/10.4135/9780857024503>
11. King G., Robert O. Keohane, and Sidney Verba. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 259 p.
12. Kostecki M. J, Mrela K. Research Note: The Incompatibility of Comparisons: Comparative Studies of Organizations and the Cumulation of Scientific Knowledge // *Organization Studies*. 1983. Vol. 4 (1). P. 73–88. <https://doi.org/10.1177/017084068300400105>.
13. National Review: John McCormack. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalreview.com/corner/manchin-build-back-better-actually-cost-4-5-trillion/> (дата обращения: 28.08.2022).
14. Reid H., Yanarella E. Political Science and the Post-Modern Critique of Scientism and Domination // *The Review of Politics*. 1975. Vol. 37(3). P. 286–316. <https://doi.org/10.1017/S0034670500024438>.
15. Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // *Midwest Studies in Philosophy*. 2008. Vol. 5 (1). P. 3–26. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x>.
16. Steinmetz G. Introduction: Positivism and Its Others in the Social Sciences // *The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and Its Epistemological Others* / Ed. by G. Steinmetz, J. Adams. New York: Duke University Press, 2005. P. 1–56. <https://doi.org/10.1515/9780822386889-002>.
17. Tennis J. T. Epistemology, Theory, and Methodology in Knowledge Organization: Toward a Classification, Metatheory, and Research Framework // *Knowledge organization*. 2008. Vol. 35 (2). P. 102–112. <https://doi.org/10.5771/0943-7444-2008-2-3-102>.
18. Tucker J. A., Guess A., Barbera P., Vaccari C., Siegel A., Siegel A., Sanovich S., Stukal D., Nyhan B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature // SSRN. March 19, 2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3144139>.
19. Van Dijk T. A. *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: SAGE Publications, 1998. 390 p. <https://doi.org/10.4135/9781446217856>.
20. Wodak R., Meyer M. (Eds.) *Methods of critical discourse analysis* // SAGE Publications Ltd. 2001. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.4135/9780857028020> (дата обращения: 28.08.2022).

References

1. Berger P. L., Luckmann T. (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, New York, Doubleday, 249 p.
2. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J. M. (2022), Cross-Country Trends in Affective Polarization, *Review of Economics and Statistics*, January 25, https://doi.org/10.1162/rest_a_01160.
3. Bueno O. (2016), Epistemology and Philosophy of Science, *The Oxford Handbook of Philosophy of Science*, P. Humphreys (ed.), New York, Oxford University Press, pp. 233–251.
4. Carlson J. (2020), Political Justificationism: A Casuistic Epistemology of Political Disagreement, *TRAMES*, vol. 24 (3), pp. 339–361.
5. Chisholm R. (1982), *The Foundations of Knowing*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 216 p.
6. Foucault M. (1980), *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*, New York, Pantheon Books, 1980, 271 p.
7. Foucault M. (1982), *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*, New York, Pantheon Books, 245 p.
8. Green E. C. (1980), Knowledge, Power, and Policy Analysis: Sharing the Resources, *Soundings: An Interdisciplinary Journal*, vol. 63, no. 2, pp. 178–198.
9. Hannon M., De Ridder J. (2021), *The Routledge Handbook of Political Epistemology*, London, New York, Routledge, 522 p.
10. James N., Busher H. (2009), Epistemological Dimensions in Qualitative Research: the Construction of Knowledge Online, *Online interviewing*, London, SAGE Publications Ltd, pp. 5–18, <https://doi.org/10.4135/9780857024503>.
11. King G., Robert O., Sidney V. (1994), *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*, Princeton, Princeton University Press, 259 p.

12. Kostecki M. J., Mrelá K. (1983), Research Note: The Incompatibility of Comparisons: Comparative Studies of Organizations and the Cumulation of Scientific Knowledge, *Organization Studies*, vol.4 (1), pp. 73–88, <https://doi.org/10.1177/017084068300400105>.
13. National Review: John McCormack. URL: <https://www.nationalreview.com/corner/manchin-build-back-better-actually-cost-4-5-trillion/> (accessed: 28.08.2022).
14. Reid H., Yanarella E. (1975), Political Science and the Post-Modern Critique of Scientism and Domination, *The Review of Politics*, vol. 37 (3), pp. 286–316, <https://doi.org/10.1017/S0034670500024438>.
15. Sosa E. (2008), The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge, *Midwest Studies in Philosophy*, vol. 5 (1), pp. 3–26, <https://doi.org/10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x>.
16. Steinmetz G. (2005), Introduction: Positivism and Its Others in the Social Sciences, *The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and Its Epistemological Others*, G. Steinmetz, J. Adams (eds.), New York, Duke University Press, pp. 1–56. <https://doi.org/10.1515/9780822386889-002>.
17. Tennis J. T. (2008), Epistemology, Theory, and Methodology in Knowledge Organization: Toward a Classification, Metatheory, and Research Framework, *Knowledge organization*, vol. 35 (2), pp. 102–112, <https://doi.org/10.5771/0943-7444-2008-2-3-102>.
18. Tucker J. A., Guess A., Barbera P., Vaccari C., Siegel A., Siegel A., Sanovich S., Stukal D., Nyhan B. (2018), Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature, *SSRN*, March 19, <https://doi.org/10.2139/ssrn.3144139>.
19. Van Dijk T. A. (1998), *Ideology: A multidisciplinary approach*, London, SAGE Publications. 390 p. <https://doi.org/10.4135/9781446217856>.
20. Wodak R., Meyer M. (eds.) (2001), *Methods of critical discourse analysis*, *SAGE Publications Ltd.*, <https://doi.org/10.4135/9780857028020>. (accessed: 28.08.2022).

Сведения об авторе

Казakov Илья Викторович — аспирант 3 курса аспирантской школы по политическим наукам департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; ассистент кафедры философии и теологии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: i.v.kazakov@list.ru

ORCID: 0000-0003-2673-8161

About the authors

Ilya Kazakov, PHD student at the Doctoral School of Political Science, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia; Assistant of the Department of Philosophy and Theology, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: i.v.kazakov@list.ru

ORCID: 0000-0003-2673-8161

Поступила в редакцию 31.08.2022 г.

Поступила после доработки 04.10.2022 г.

Статья принята к публикации 10.11.2022 г.

Received 31.08.2022.

Received in revised form 04.10.2022.

Accepted 10.11.2022.